

КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Березин А.С.

*Березин Антон Сергеевич – студент
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева (Уральский филиал),
г. Челябинск*

Аннотация: в статье исследуются особенности судебного механизма реализации норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Особое внимание уделяется роли Конституционного Суда Российской Федерации в определении юридического значения решений международных судебных органов и установлении пределов их воздействия на национальный правовой порядок. На основе анализа научных позиций и практики Конституционного Суда Российской Федерации раскрываются особенности восприятия международных судебных решений российской правовой системой.

Ключевые слова: международное право, Конституционный Суд Российской Федерации, Европейский Суд по правам человека, судебный прецедент, правовые позиции, международные судебные органы, конституционный контроль, судебная практика, правоприменение.

Значение судебного, в первую очередь конституционно-судебного, механизма реализации международно-правового регулирования дополнительно подчеркивается и самим текстом Конституции Российской Федерации: согласно части 3 статьи 46, каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обратиться в международные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Круг подобных международных органов достаточно широк и не исчерпывается Европейским Судом по правам человека: сюда относятся, в частности, Международный Суд ООН, действующий на основании Статута 1945 г., Комитет по правам человека при ООН, учрежденный для защиты прав, предусмотренных Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации, Комитет по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и ряд иных конвенционных органов. Однако именно Европейский Суд по правам человека на протяжении почти трех десятилетий оставался единственным международным судебным органом, чьи решения по индивидуальным жалобам обладали для российской правовой системы реальным, институционально обеспеченным прецедентным значением, что и предопределяет то внимание, которое отечественная доктрина и судебная практика уделяют именно взаимоотношениям национальных судов с этим органом.

Обращение к вопросу о прецедентной силе постановлений Европейского Суда по правам человека невозможно вне контекста более общей дискуссии о прецедентном характере актов самого Конституционного Суда Российской Федерации. Если М.И. Байтин, следуя традиционной для отечественного правоведения позиции, считал, что ни санкционированный обычай, ни судебный прецедент не являются источниками права в строгом смысле, а лишь его формами, то Б.С. Эбзеев прямо признает прецедентный характер актов Конституционного Суда, указывая, что все его решения являются источниками права и обладают материально-правовой силой закона, а Г.А. Гаджиев идет еще дальше, распространяя категорию судебного прецедента также на решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Вопрос о юридической природе постановлений Европейского Суда по правам человека применительно к правовой системе России длительное время оставался дискуссионным. Как систематизирует Ж. И. Овсепян, в отечественной доктрине и правоприменительной практике сложилось несколько подходов к определению круга обязательных для российских судов постановлений ЕСПЧ: согласно наиболее узкой позиции (ее придерживался, в частности, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П. А. Лаптев), составной частью правовой системы России являются лишь те постановления ЕСПЧ, которые приняты непосредственно в отношении Российской Федерации, тогда как решения по делам против иных государств формально не входят в российскую правовую систему, хотя и способствуют эволюционному толкованию Конвенции; согласно более широкой позиции, получающей все большее признание, восприятию подлежат решения ЕСПЧ независимо от того, против какого государства, участника Конвенции они вынесены.

Значимым шагом на пути институционализации широкого подхода стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П, из которого, по оценке специалистов, однозначно следует, что в правоприменительной деятельности государства подлежат учету все решения ЕСПЧ независимо от того, в отношении какой страны-ответчицы они вынесены. В данном постановлении Конституционный Суд обосновал возможность своего рода «генерализации» правовых позиций Европейского Суда, перехода от учета конкретных дел к формированию мер общего нормативного характера, обязательных не только для судов, но и для федерального законодателя при регулировании общественных отношений.

Изложенное позволяет охарактеризовать сложившуюся в России двухуровневую архитектуру судебного применения норм международного права. На первом, институциональном уровне Конституционный Суд

Российской Федерации выступает своего рода фильтром и интерпретатором: он определяет пределы допустимого воздействия решений международных органов на национальный правовой порядок, формулирует условия генерализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека и, при необходимости, блокирует исполнение международных решений, противоречащих основам конституционного строя. На втором, повседневном уровне суды общей юрисдикции применяют нормы международного права преимущественно в форме комплексного правоприменения, в неразрывной связи с отраслевым законодательством, причем глубина такого применения существенно варьируется в зависимости от того, снабжена ли соответствующая область регулирования детальными разъяснениями высшей судебной инстанции. Данная архитектура остается внутренне неравновесной и продолжает трансформироваться под влиянием как внутренних институциональных факторов, так и меняющихся условий функционирования международного правового порядка в целом.

Список литературы

1. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: Право и государство, 2005. С. 260
2. *Гаджиев Г.А.* Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000. С. 100
3. *Зорькин В.Д.* Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд. М.: Норма, 2008. С. 474
4. *Лаптев П.А.* Правовые позиции Европейского суда по правам человека и правовая система Российской Федерации // Российское правосудие. 2008. № 11 (31). С. 101–102
5. *Овсеян Ж.И.* Международный судебный прецедент как часть конституционно-правовой системы России // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1. С. 52–53.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан»
7. *Эбзеев Б.С.* Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 7